

Для крестьян Новый год — это время еды, питья и хождения по гостям. Куда бы ты ни пошёл, тебя везде угощают хорошим чаем и сладостями, все радуются и веселятся, и даже те, кто был в ссоре, не станут устраивать скандалы в праздник.

Никто не хочет навлекать на себя несчастье, поэтому в Новый год всё делается ради удачи.

Ли Муцзинь была новобрачной, поэтому в этом году подарки для её родни должны были быть более щедрыми. Чжан Шу сопровождал её во второй день нового года в гости к её родителям, а на третий, четвёртый и пятый дни они гостили у его дяди.

Чжан Шу, как новый зять, сидел за столом вместе со старшими, и его обязанностью было наливать вино. Едва угодив всем почтенным гостям, он и сам выпил немало.

На шестой день все вместе вернулись домой. Чжан Шу и Ли Муцзинь на телеге сначала отвезли троих родных, а затем вернулись в свой дом.

Дедушка и бабушка Чжан, собравшись с духом, задали несколько вопросов, но вскоре снова выглядели озабоченными.

Чжан Шу и Ли Муцзинь переглянулись — пока их не было, должно было произойти что-то важное.

Чжан Шу прямо спросил об этом, но бабушка Чжан лишь уклончиво ответила и пошла заниматься другими делами.

Чжан Шу и Ли Муцзинь обсудили ситуацию и пришли к выводу, что, скорее всего, их тётя или дядя задели чувства старики.

Чжан Шу отправился к Лайвану, чтобы узнать подробности, а когда вернулся, его лицо было мрачным.

— Что случилось, А Шу? Что произошло за это время?

— Это тётя и дядя. — Чжан Шу с трудом сдерживал гнев. — Они говорят, что дедушка с бабушкой впали в маразм, что семейный бизнес отдали чужим и не помогают им, а ещё потребовали, чтобы старики научили их делать сухую лапшу.

Ли Муцзинь не знал, что сказать, ведь бизнес действительно перешёл к их семье.

— И что дальше?

— Дедушка с бабушкой отказали. Они ушли, даже не поздравив с Новым годом, да ещё и наговорили во дворе кучу обидных слов.

Ли Муцзинь молчал. С тех пор как она вышла замуж, Чжан Шу рассказывал ей обо всём. И хотя она чувствовала, что Чжан Шу скрывает что-то ещё, она понимала, что примирение между Чжан Шу и его дядей невозможно.

— Не спрашивай больше у дедушки с бабушкой, им, наверное, сейчас очень тяжело. — Дети хоть и разные, но все родные. Хотя они и любят Чжан Шу чуть больше, это не значит, что у них нет чувств к остальным двоим.

Сейчас они могли здраво оценивать ситуацию и не жертвовать интересами Чжан Шу ради других, но такое отношение родни всё равно было болезненным.

Узнав о случившемся, Чжан Шу подумал и решил, что сейчас самое время объявить всем, что они собираются научить всех делать сухую лапшу, чтобы его тётя и дядя больше не могли претендовать на исключительное право это делать.

На следующий день Чжан Шу взял две упаковки и отправился к старосте деревни, чтобы рассказать ему об этом и попросить передать новость всем жителям.

— Это замечательная идея, Чжан Шу. Ты действительно хочешь научить всех этому прибыльному делу? Не боишься, что они отберут твой бизнес?

Староста был рад, но всё же решил уточнить, чтобы не давать ложных надежд, которые потом могут быть разрушены.

— Да, я решил научить всех. Но с одним условием: в течение двух лет они не должны передавать способ изготовления сухой лапши посторонним.

Староста выкурил трубку и долго размышлял.

— Чжан Шу, твои намерения благородны, но есть одна проблема. Ты подумал о том, что у некоторых семей мало земли, и выращенного ими батата может не хватить ни на что? Если они увидят, что семьи с большими участками зарабатывают больше, они могут начать использовать поля, предназначенные для продовольствия, чтобы сажать там батат.

Если все начнут выращивать батат, кому они будут его продавать? А если готовую лапшу не удастся продать, что они будут делать с землёй, которую отвели под него? Если они не смогут платить налоги и останутся без еды, они начнут винить тебя.

Чжан Шу задумался. Слова старосты были справедливы. Если он научит деревенских жителей, они перестанут продавать батат и будут делать лапшу сами.

Рыночная цена сухой лапши составляла двадцать пять вэн за цзинь, это легко узнать. Если он будет покупать дешевле, жители не станут продавать ему, но он и не может платить дороже, иначе понесёт убытки. Маленькие семьи могут сделать сто-двести цзинь, но кому они смогут продать это в уезде, если у них нет связей? Постоялый двор семьи Линь тоже не сможет купить столько.

Если они не смогут продать лапшу и останутся без еды, они точно начнут винить его за то, что он подтолкнул их к этому.

Более того, возможно, они даже продадут этот способ другим торговцам, ведь закон не карает толпу.

— Староста, спасибо за совет, я подумаю ещё. — Чжан Шу поблагодарил старосту и отправился домой.

Он был слишком самоуверен, думая, что его идея обязательно принесёт прибыль всем и сделает деревню богатой, чтобы больше никто не мог их унижать. Но он забыл, что человеческая природа непредсказуема, и то, что падает с неба, люди не ценят. Как он мог не понять, что чашка риса вызывает благодарность, а мера риса — ненависть?

Ли Муцзинь, увидев, что Чжан Шу ушёл в приподнятом настроении, а вернулся подавленным, удивилась и спросила:

— А Шу, что случилось? Что-то произошло?

Чжан Шу крепко обнял Ли Муцзинь.

— Цзинь-эр, я чувствую себя таким бесполезным...

— Что именно случилось, А Шу? — Ли Муцзинь не понимала, почему он вдруг так сказал.

— Староста сказал... — Чжан Шу рассказал ей слова старосты. — Я чувствую, что был слишком самоуверенным. Я не обдумал всё как следует, не нашёл никакого запасного плана.

— Ты просто хотел сделать доброе дело, — успокаивающе погладила его по спине Ли Муцзинь.

— Я знаю, почему ты хотел помочь односельчанам, и знаю, что ты продумал всё, что мог.

— Никто не всемогущ. Людей, способных предусмотреть абсолютно всё, не существует. Но, А Шу, у тебя есть я. Если ты прогоришь в делах, я помогу тебе всё заработать заново. Если тебя будут ругать односельчане, я разделю эту вину с тобой. Если в чём-то не разберёшься, мы подумаем вместе, а за последствия будем отвечать вместе.

Слова Ли Муцзинь коснулись самого сокровенного в душе Чжан Шу. Возможность прожить эту жизнь снова, имея Муцзинь, — это величайшая удача!

Чжан Шу поцеловал Ли Муцзинь, вложив всю свою страсть в этот нежный поцелуй.

...

Чжан Шу пересмотрел свои первоначальные планы и понял, что в них действительно много проблем. Например, для изготовления сухой лапши требуется много воды, а в деревне колодцы есть лишь у нескольких семей. Остальным приходится носить воду из двух общественных колодцев или просить у соседей.

Если набирать несколько вёдер воды в обычный день — это не проблема, но когда нужно много воды для лапши и у самих её едва хватает, позволят ли другим брать воду?

Кроме того, инструменты для изготовления сухой лапши тоже не бесплатны, для их покупки нужны стартовые капиталы. А что, если, потратившись на них, они обнаружат, что заработанных на лапше денег хватит только на покупку больших кадок и стоек для сушки?

Он, планируя, приравнивал благосостояние всех остальных к благосостоянию своей собственной семьи.

Он всё же был менее опытен, чем другие.

Раз этот путь не подходит, нужно искать другой.

После обсуждения с семьёй Чжан Шу решил поступить так же, как и перед Новым годом: открыть большую мастерскую, закупать батат у односельчан и нанимать их для работы.

Таким образом, все смогут заработать, а секрет приготовления останется нетронутым. Большая часть продукции будет сосредоточена в руках семьи Чжан, и у них будут капиталы для ведения переговоров с другими. А если товар не удастся продать, риск ляжет на них, и никто не сможет упрекнуть их в этом.

Чжан Шу снова отправился к старосте, который, подумав, одобрил этот план. Не то чтобы он

не хотел перенять мастерство Чжан Шу, но он не мог позволить, чтобы этот парень, который так заботился о деревне, сделал доброе дело и в итоге получил только упрёки.

Жители деревни могли думать только о текущем моменте, но он, как староста, обязан был смотреть дальше. Если в деревне не было авторитетного человека, способного постоять за всех, то и вся деревня выходила в люди в униженном положении.

Иногда он чувствовал вину перед своими детьми. Семья могла бы заплатить, чтобы освободить сына от трудовой повинности, но если их семья не вмешается, то эти люди, оказавшись на стороне, будут ни на что не способны, и их будут затирать честные люди, оставляя от них одни косточки.

На этот раз его третий сын отправился на повинность и вернулся больным. Он сразу же отвёз его к врачу, и тот пролежал три или четыре дня, прежде чем ему стало лучше. Если бы в деревне был influential человек, разве они страдали бы так?

<http://bllate.org/book/16721/1537603>